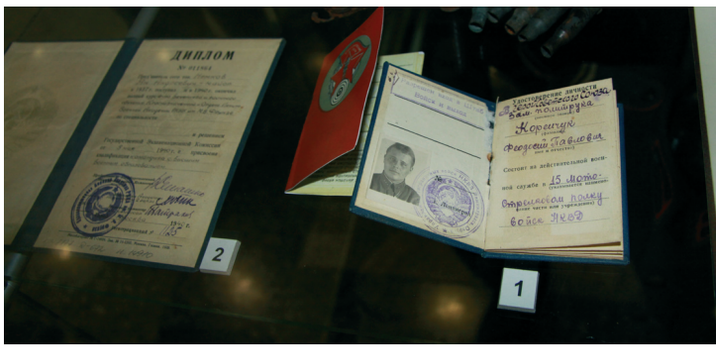
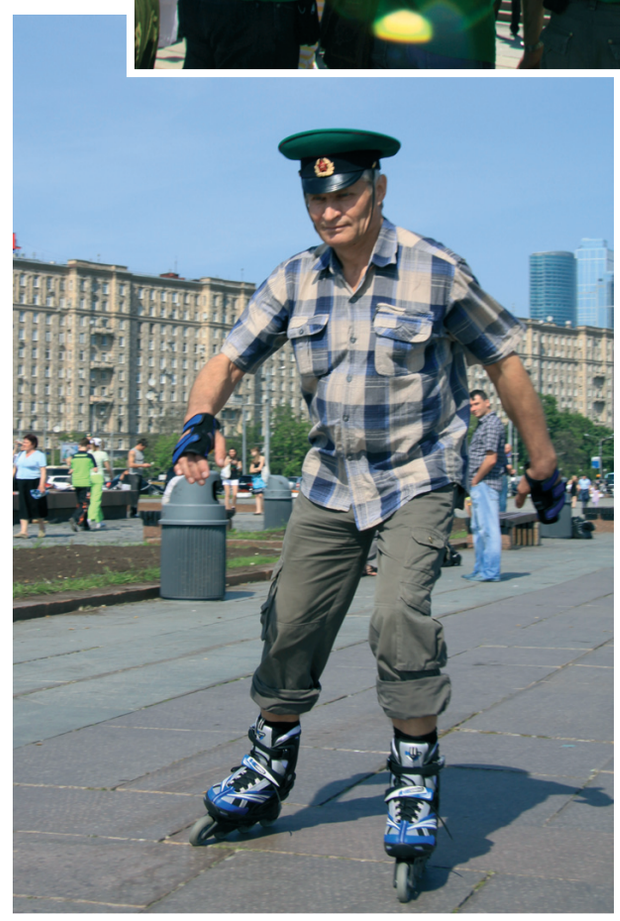
С Днем
Пограничника!

БЫВШИХ
ПОГРАНИЧНИКОВ
НЕ БЫВАЕТ


ДИПЛОМ
2
1



ПЕРЕД ГРОЗОЙ

Константин ГРУЗДЕВ

Нас, ветеранов, нередко спрашивают о том, какова была обстановка на западной границе накануне Великой Отечественной войны. Коротко можно сказать так: напряженной. Но для более полного ответа на этот вопрос необходимо начать с того дня, когда была развязана Вторая мировая война.

Непрошеные гости

1 сентября 1939 года фашистская Германия напала на свою восточную соседку – Польшу. Поляки смело встали на защиту Отечества, но силы были неравными. Захватив Варшаву, войска вермахта устремились на восток, к границе СССР. Потребовались срочные меры по усилению обороны западных рубежей нашей страны.

Рано утром 17 сентября Красная армия вышла в поход, чтобы взять под защиту народы Западной Украины и Западной Белоруссии, оказавшиеся под угрозой немецко-фашистского порабощения. В результате граница значительно отодвинулась на запад. На совершенно незнакомой местности пограничникам пришлось строить заставы, комендатуры и мосты через реки, налаживать отношения с населением.

Какое-то время наши западные рубежи оставались недостаточно плотно закрытыми, и этим не преминули воспользоваться враги. В 1939–1941 годах белорусские чекисты выявили и обезвредили нескольких шпионов, засланных на советскую территорию из бывшей Восточной Пруссии и присоединенной к ней территории Сувальского уезда. Приведу пример.

Однажды во время моего дежурства в горотделе НКВД Гродно затрещал полевой телефон. Звонил дежурный погранотряда. Он объяснил, что не может связаться с округом, и попросил передать телефонограмму в управление погранвойск.

Взяв карандаш и придвинув поближе журнал, я начал писать: «20 декабря 1940 года в 23:00 в 700 м от пограничного знака № 133 нарядом 12-й заставы в составе командира отделения Баранова и рядового Макеева задержаны два нарушителя границы. Первый назвался Петром Дершоном 1916 года рождения, уроженцем деревни Яскелевичи Гродненского уезда... При личном обыске, произведенном в комендатуре старшим помощником коменданта лейтенантом Петровым в присутствии начальника заставы лейтенанта Семенченко, у Дершона обнаружены и изъяты: радиопередатчик, 3240 рублей, инструкция к передатчику и шифры».

Сообщение пограничников представляло определенный интерес и для гродненских чекистов. Впоследствии выяснилось, что Дершон был заброшен абвером. Его подготовкой занимался немецкий полковник по кличке Фурман в лагере «Штаргардт». На первом же допросе Дер-

шон признался, что является агентом германской разведки и следовал в распоряжение ранее переброшенного в СССР немецкого резидента для работы в качестве радиста. Второй задержанный на границе сопровождал Дершона.

Безусловно, в предвоенное время были и более сложные ситуации, требовавшие громадных усилий по пресечению подрывной деятельности разведок империалистических государств.

Польское гнездо абвера

14 марта 1940 года в Гродно прибыла группа руководящих работников Наркомата госбезопасности БССР и начальствующего состава Белорусского пограничного округа. В составе группы был лейтенант госбезопасности Алексей Рогов. Он рассказал, что едет на границу, где «снова заворошился Кульгавый». Я знал, что Кульгавый – это белоэмигрант Петр Дьяченко.

Органам государственной безопасности было известно, что Дьяченко уже много лет ведет враждебную СССР деятельность. В 1914–1917 годах он служил в царской армии сначала унтер-офицером, а затем в чине штабс-капитана и был известен как провокатор. В 1918 году его приютил Петлюра, под крылом которого Дьяченко вырос от главаря бандитской сотни до командира полка «черных запорожцев». В 1920-м был ранен. После выздоровления стал прихрамывать на правую ногу, но зато получил чин петлюровского полковника. Вскоре бежал в Польшу. В 1928 году был принят на службу в Войско Польское в чине майора и направлен в распоряжение командира 1-го кавалерийского полка. В 1934 году обучался на курсах при бронетанковой части, но, не овладев техникой, вернулся в кавалерию, на сей раз в 3-й кавалерийский полк в Сувалках, где и оставался до начала Второй мировой войны.

В аттестации, составленной на Дьяченко командиром полка, значилось: «Любит строевую службу, неутомим физически, хороший наездник, равного ему нет в полку, на полном карьере поднимает с земли пятизлотовую монету» и т.д. Здесь же отмечалась и другая сторона: «Любит погулять, очень любит женщин и женское общество. Жена не ревнует, платит ему той же монетой». Но командир полка, видимо, не знал тогда главного: уже с 1935 года Дьяченко был агентом немецкой разведки.

Гродненским чекистам, в частности начальнику подразделения Мартиросову, о связи Дьяченко с германской разведкой стало известно от Эдуарда Капрала, которого военная судьба в сентябре 1939 года привела в Сувалки.

– Однажды я встретился, – рассказывал Капрал, – с майором Дьяченко, который завербовал меня для работы в пользу «Независимой Польши» и перебросил в Советский Союз. Но я прекрасно понимал, что Дьяченко работает на немецкую разведку. Я сам видел, как в его особняк ходит переодетый в штатское немецкий офицер.

Капралу поверили. Более того, спустя некоторое время гродненские чекисты предоставили ему возможность вступить в поединок с Дьяченко. Руководящие работники Наркомата и областного управления госбезопасности заехали к нам 14 марта 1940 года именно для того, чтобы ознакомиться с очередным сообщением Капрала. В тот день стало ясно, с кем предстоит иметь дело на границе.

В небольшом селе Барглов жила семья Леопольда Полубинского. Он целыми днями, а нередко и ночами проводил время в костеле, где исполнял обязанности сторожа и звонаря. Его жена хлопотала по хозяйству да растила троих детей, старшему из которых, Антону, в 1939 году исполнилось 18 лет. Ему-то и уделялось почти все внимание родителей. И не только внимание: за последние пять лет они вложили немало денег в то, чтобы Антон окончил гимназию и выбился в люди.

Мечты и чаяния Полубинских сбылись после сентября 1939 года. Их сын получил работу в местном почтовом отделении и приобрел квалификацию телеграфиста. Может быть, Антон и стал бы мастером телеграфного дела и уважаемым человеком, если бы не свернул на другую дорожку…

В конце декабря к Полубинскому пришел его друг по гимназии Мечислав Барковский. Он начал витиеватый разговор о житье-бытье, а затем «по секрету» сказал, что Англия и Франция вот-вот выступят против СССР с целью восстановления Польши, и предложил принять участие в этой борьбе. Так Антон стал участником националистической организации, а спустя несколько дней уже сам вербовал в нее других членов и собирал оружие. Вскоре он получил от Барковского задание убить одного из местных советских активистов и забрать его документы.

В апреле 1940 года Полубинский был привлечен к уголовной ответственности, а через три месяца, дав ложные показания о месте нахождения склада оружия, совершил дерзкий побег от конвоиров и перешел на нелегальное положение. Он нашел прибежище в банде уголовников, скрывавшихся в лесу еще со времен буржуазной Польши.

В июле 1940 года Антон получил от жителя деревни Нетто кулака Франтишка Высоцкого приглашение на встречу с «важным лицом», которым оказался также находившийся на нелегальном положении подофицер Войска Польского Юзеф Гроховский. Он отрекомендовался представителем полковника – руководителя националистической организации в Сувалках,

борющейся против немцев и имеющей возможность оказать помощь своим коллегам на советской территории. Полубинский протянул руку:

– Подайте копеечку на пропитание!

Но Гроховский лишь вывернул наизнанку карманы:

– При себе денег не имею. Получишь, если пойдешь со мной на ту сторону.

Сборы были недолгими. На следующий день по «волчьей тропе» заговорщики перешли границу и прибыли в Сувалки.

До сентября 1939 года этот уезд являлся центром Белостокского воеводства. В октябре немцы присоединили его к Восточной Пруссии и переименовали в Судауэн. На северо-западной окраине, в так называемых Филипповских казармах, разместились воинские части вермахта, вошедшие в состав 3-й танковой группы и 9-й армии, которым по плану «Барбаросса» отводилась значительная роль в войне против СССР.

– Можете ли Вы привести ко мне Вашего руководителя? – спросил «полковник» Полубинского, когда тот предстал перед ним.

– Могу, пан полковник, – уверенно сказал Антон.

Ответ «полковнику» понравился. А еще через три дня Полубинский вновь был в Сувалках, на сей раз вместе с главарем банды, выходцем из кулацкой семьи Эдвардом Станкевичем. Их доставили в особняк на Филипповской улице.

В тот же день Полубинский и Станкевич поняли, что попали к резиденту немецкой разведки Кульгавому. Хозяин особняка угостил их обедом, после чего пригласил в кабинет. Там бандитам было предложено работать на Германию. Они согласились без колебаний. Так Антон Полубинский стал агентом абвера по кличке Шнеллер (Быстрый) № 811. Он должен был собирать сведения о частях Красной армии, расквартированных на Гродненском направлении, расширять бандитско-националистическое подполье, убивать советских активистов, а их документы доставлять в Сувалки.

Вернувшись на родину, Станкевич и Полубинский узнали, что их лагерь разгромлен пограничниками, но примерно двум десяткам отъявленных головорезов все-таки удалось спастись. Следовательно, можно было приступить к выполнению заданий абвера.

О визите к Дьяченко чекисты узнали от местных жителей. И вопрос о ликвидации банды приобрел новое значение. Если раньше Станкевич, Полубинский и их подельники представляли опасность как уголовники, то теперь речь шла о борьбе со шпионами-диверсантами.

25 октября 1940 года чекисты окружили бандитов в одном из домов в деревне Гнежины. В завязавшейся перестрелке Станкевич был убит. Раненому Полубинскому удалось бежать.

Ничто не помешало бывшему звонарю возглавить банду. Изворотливый и отчаянный, он единственный в этой преступной группе имел среднее образование, мог читать топографические карты и составлять донесения.

Спустя несколько дней преступники зверски расправились с уполномоченным Наркомата заготовок Егором Зюраевым и забрали его документы. Они бросили гранату в здание сельского клуба в местечке Райгруд, затем ограбили председателя сельпо в деревне Языль. Чекисты поняли, что Полубинский готовится к уходу на немецкую сторону и совершает преступление за преступлением, чтобы доложить в Сувалках о выполнении задания.

Решено было внедрить в банду одного из местных жителей, который иногда помогал преступникам продуктами. Он пришел к чекистам с повинной, понимая, что рано или поздно банда будет ликвидирована и за пособничество придется держать ответ. Ему поверили и поручили уйти за кордон вместе с Полубинским.

От связного чекисты узнали, что Полубинский передал Дьяченко документы Зюраева, а главарь другой банды – Вацлав Внуковский, прибывший в Сувалки в то же время, вручил резиденту абвера документы о строительстве оборонительных сооружений на одном из участков советской границы.

В декабре 1940 года Полубинский с несколькими сообщниками, замышляя очередную жестокую расправу, перешел на территорию СССР. Однако через несколько дней бандиты вынуждены были вернуться в Сувалки, не выполнив задания немецкой разведки. В укрытии им отказали даже друзья и родственники. Кроме того, почти во всех населенных пунктах района работали бригады содействия пограничникам, сформированные из местных активистов.

13 марта 1941 года Дьяченко по команде абвера стал подтягивать группу Полубинского к границе, перевозя бандитов по три–четыре человека на своей машине в лесничевку «Крулева Вода». Вечером 15 марта они пробрались на территорию СССР, но пограничники уже ждали их. Банду окружили, вспыхнул бой.

Полубинского удалось задержать лишь на следующий день. В ответ на предложение сдаться бандит начал отстреливаться, но младший лейтенант Яценко и старший политрук Громов обезоружили его. В карманах бывшего главаря оказались крупная сумма денег и золото.

Так был ликвидирован шпионский рой, вылетевший из террористического гнезда в Сувалках, и серьезно подорвано доверие немцев к Дьяченко.

Первые молнии

В 1941 году гитлеровские спецслужбы стали засылать в советское воздушное пространство самолеты-разведчики. Впервые это случилось весной. Пограничники зафиксировали чужой самолет, летящий на большой высоте с запада на восток. Через несколько минут он появился над Гродно. Командование армии доложило об этом штабу округа и запросило разрешение послать на перехват непрошеного гостя звено истребителей. Но ответ поступил не сразу и был отрицательным. Такие ситуации повторялись неоднократно вплоть до середины июня.

На рассвете 22 июня 1941 года по приказу гитлеровского командования на советскую территорию глубиной до сотни километров были заброшены десятки десантных разведывательно-диверсионных групп, одетых в форму военнослужащих Красной армии, работников милиции, железнодорожников, связистов и обеспеченных фальшивыми документами. С началом войны немецкие разведчики, контрразведчики и их штатная агентура были зачислены в состав различных ейнзатцкоманд и направлены на расширение карательных органов 3-й танковой армии и 9-й армии вермахта. Черные тучи войны сгустились над миром, и разразилась гроза. ■

ТАК ЗАКАЛЯЛАСЬ СТАЛЬ

Виталий СТЕЦКЕВИЧ

На широких просторах Черного моря несет боевую вахту пограничный сторожевой корабль «Григорий Куропятников». Кто этот человек, чьим именем назван сторожевик? За что удостоен такой чести?

Служба Григория Куропятникова началась на пограничном катере в неспокойном 1939 году, когда в Европе разгорался пожар мировой войны. Экипаж сердечно принял в свою дружную семью парня из Кировограда. Побеседовав с молодым моряком-пограничником, командир старший лейтенант П. Сивенко поверил в этого паренька с машиностроительного завода, в его рабочую закалку. А сам Григорий был рад служить на боевом катере.

МО-065 сошел с Ленинградской судоверфи в 1938 году: водоизмещение – 56 т, скорость – до 30 узлов в час, вооружение – две 45-мм пушки и два 12,7-мм пулемета, восемь больших и четыре малых глубинных бомбы. Он представлял собой грозное оружие.

Обстановка на южных морских и речных рубежах в 1939–1940 годах осложнялась с каждым днем. Об этом говорил Куропятников в письмах родным. Границу с Румынией, проходившую по рекам Прут и Дунай, соседи нарушали постоянно.

Экипаж МО-065 с начала года находился в повышенной боевой готовности и встретил первый день войны во всеоружии. 22 июня 1941 года катер получил первое задание – провести баржу с боеприпасами по Дунаю в Измаил. Под непрерывным огнем противника экипаж доставил груз к месту назначения.

Но это было только первое испытание для экипажа. За ним последовало новое – прикрыть прорыв наших бронекатеров. Вызывая на себя огонь противника, энергично маневрируя, МО-065 израсходовал весь запас горючего. Командир принял решение замаскироваться в густых прибрежных зарослях Дуная.

Три томительных дня моряки-пограничники ожидали помощи. Наконец горючее сбросили на парашюте. Но теперь морякам предстояло преодолеть район, занятый противником. Командир катера принял решение идти на прорыв. И оно оказалось единственно верным! Спустя годы Григорий Куропятников скажет о своем командире: «Он человек крепкой воли и сильного характера».

…Весной 1943 года МО-065 шел из морского дозора на базу. Море еще бушевало, перекатывая по-зимнему седые волны, но настроение у моряков было приподнятым, ведь на берегу их ждали письма от родных и друзей.

В порту Туапсе экипаж принял боезапас, горючее, произвел приборку и отправился на заслуженный отдых. Григорий распечатал долгожданную весточку из дома. Война была в разгаре, и даже письма от родных, из тыла, дышали горем и болью. «Нужно безжалостно громить врага и на суше, и на воде», – думал пограничник, вчитываясь в скупые строчки.

После обеда экипаж немного расслабился. Под гитару запели песни, в том числе любимую «Раскинулось море широко». Не обошлось и без зажигательного матросского «Эх, яблочко!». Ненадолго удалось забыть о боях.

Но вскоре последовало очередное задание – сопроводить транспорт «Ахилеон» с грузом для защитников Малой Земли. Обеспечивать прикрытие транспорта катеру МО-065 предстояло в одиночестве.

12,7-мм крупнокалиберный станковый пулемет (ДШК), наводчиком которого был Григорий Куропятников (экспонируется в Центральном пограничном музее ФСБ России)

Бывший командир катера МО-065 капитан 2 ранга в отставке П. Сивенко в гостях у моряков ПСКР «Григорий Куропятников»

В 22:30 24 марта он снялся со швартовых. Ветер порывисто свистел в вантах, судно сильно кренило с борта на борт. В брызги разбивались волны. Старший сигнальщик Максимов зорко наблюдал за морем в бинокль.

Забрезжил рассвет. В 6:30 25 марта Максимов доложил командиру: «Левый борт, курсом 35 приближается самолет!» Это был немецкий «юнкерс». Последовала команда открыть огонь из орудий и пулеметов. Фашист быстро развернулся и скрылся. «Если один прилетел, жди и других», – подумал Сивенко. Мысли командира прервал новый доклад: «Левый борт, курсом 30 немецкий "юнкерс"». Но он уже был не один. За ним следовало еще 17! Стервятники сбросили бомбы с большой высоты, но пикировать не стали, опасаясь огня береговых зениток.

Наконец транспорт был доставлен к месту назначения. Началась разгрузка. МО-065 находился рядом, в охранении, подозревая, что опасность не миновала. И действительно, в 12:30 в небе появились вражеские самолеты. Несмотря на шквальный огонь зенитных батарей с берега и пушечно-пулеметный огонь с катера, фашисты атаковали транспорт. Вода забурлила. Осколками бомб на катере разбило мостик, рубку, вышли из строя рация и два мотора. Появились убитые и раненые. Но моряки продолжали вести огонь по врагу. Упал замертво у орудия матрос Перевозников, его заменил комендор Скляр. Очередная серия бомб сорвала с тумбы корпус носовой пушки. Погиб кок – подносчик снарядов, тяжело ранило электрика Савельева и Скляра. Не обращая внимания на окровавленную руку, боцман Антоненко вел огонь из крупнокалиберного пулемета. Подносчика патронов Марченко выбросило взрывной волной за борт, но он взобрался на катер и продолжал помогать товарищам.

В ходе боя осколком был перебит флажный фал. Матрос Потапов быстро связал его. Обагренный кровью военно-морской флаг вновь взвился на мачте.

В этой схватке раскрылся богатырский характер Куропятникова. Вражеский осколок врезался Григорию в левую руку и отсек ее ниже локтя. Она повисла как плеть. Куропятников упал на колени и начал терять сознание. Хорошо, что рядом оказался боцман. Не растерявшись, он сделал перевязку. Превозмогая дикую боль, Куропятников занял место у пулемета и стал стрелять одной рукой.

Бой набирал силу, осколки снарядов уничтожали на своем пути все живое. Григория ранило в голову, а потом в грудь, но он с ожесточением продолжал поливать свинцовым огнем пикирующие на катер самолеты. В огненном смерче на палубе загорелись дымовые шашки, лежавшие на глубинных бомбах. В случае взрыва гибель грозила не только катеру, но и стоящему рядом транспорту с военным грузом. Куропятников неимоверным усилием воли заставил себя добраться до горящих шашек и, обжигая лицо, перегрыз найтовые концы. Шашки полетели за борт. Силы оставили старшину, и он без сознания упал на иссеченную осколками палубу.

Получив около 1500 пробоин в корпусе, катер стал терять плавучесть. Вода в отсеках стояла выше колена. Все три мотора и вспомогательные механизмы были выведены из строя. Мотористы Страхов, Кузьменко, Стародубцев во главе с раненным в голову старшиной Калашниковым заделывали пробоины в машинных отсеках, а другие матросы – в носовых.

День клонился к вечеру. Нужно было продержаться до ночи, когда самолеты противника прекратят атаки. Как и в начале войны, командир принял решение не покидать катер и сделать все для того, чтобы вернуться на базу своим ходом. Оставшиеся в живых моряки приложили немалые усилия для поддержания судна на плаву. Тяжелораненых необходимо было отправить на сушу, но никто не хотел расставаться с катером. Товарищи надолго запомнили слова Григория Куропятникова перед отправкой в госпиталь: «Надеюсь, вы примете меня на катер и с одной рукой? За левую я фашистам еще отомщу!»

Моряки-пограничники Глобин, Марченко, Шатаин и старшина 1-й статьи Орлов наотрез отказались от госпитализации. Они твердо решили вместе с остальным экипажем довести катер до базы. В сумерках МО-065 покинул охраняемый транспорт и направился вдоль берега в сторону Туапсе.

Уже поздним вечером, освещая ход ракетами, катер под ручным управлением пришвартовался к причалу базы. На палубе выстроился поредевший экипаж, а командир, собрав последние силы, твердым голосом доложил командиру дивизиона капитан-лейтенанту П. Державину, что экипаж МО-065 боевое задание выполнил.

Подвиг экипажа получил широкий отклик на флоте и в частях Красной армии. Газета «Красный Черноморец» посвятила выпуск от 30 июля 1943 года морякам-черноморцам катера МО-065. В нем был опубликован приказ народного комиссара Военно-Морского флота Союза ССР от 25 июля 1943 года № 263 о присвоении катеру звания гвардейского. Подвиг Героя Советского Союза Куропятникова описывала специальная листовка. В ней говорилось, что железная стойкость и матросская доблесть гвардии старшины 1-й статьи Куропятникова будет для моряков-катерников примером в боях с ненавистным врагом. Листовка призывала идти вперед, на запад, на окончательный разгром немецко-фашистских захватчиков.

А еще в адрес экипажа катера МО-065 пришел конверт с такими словами: «Мы, бойцы-девушки медико-санитарной роты местной противовоздушной обороны, решили написать вам письмо и выразить свое восхищение вашей мужественной борьбой с фашистами на Черном море.

О вас мы узнали в музее Н. Островского в Москве. Лектор рассказала нам, как книга «Как закалялась сталь» воспитывает отвагу и мужество в наших людях, и примером тому служит ваш героический экипаж...

Вы вступили в неравный бой с врагом с решением победить или умереть... Кровь, пролитая вашим геройским экипажем, вызывает у нас чувство глубокой ненависти к проклятому врагу. Нас очень поразило то, что вы, несмотря на жаркий бой, сохранили книгу Н. Островского «Как закалялась сталь», которую мать Николая Островского Ольга Осиповна подарила вашему экипажу 12 мая 1942 года. Эта книга, пробитая осколками авиабомбы и залитая на нескольких страницах кровью раненых моряков вашего экипажа, является живым свидетельством мужества и героизма моряков, продолжающих славные традиции Павла Корчагина – любимого героя нашего времени.

Дорогие товарищи! Мы хотим знать, как вы живете. Дружбой с вами мы будем гордиться, и эта дружба послужит нам примером при выполнении заданий по охране нашей столицы – Москвы.

Шлем вам горячий привет. Желаем боевых успехов и ждем с нетерпением ответа. 25 июня 1943 года». В конце подписались 32 девушки.

Экипажу катера было чем гордиться, и в ответном письме моряки доложили: «За 23 месяца войны на счету катера: 117 отконвоированных судов с вооружением, боеприпасами и резервами, 3 сбитых и 6 подбитых вражеских самолетов, до 2 тысяч перевезенных десантников. Катер провел в боевых дозорах 140 суток».

Впоследствии гвардейский катер еще много раз выходил на поиск и бомбежку вражеских подводных лодок, высаживал в тыл врага разведгруппы и оказывал помощь советским кораблям на Черном море. Трудяга МО-065 нес свою нелегкую службу до середины 50-х годов прошлого века.

В 1983 году в газете «Советский пограничник» Краснознаменного Западного пограничного округа была опубликована статья «Герои в нашем строю». В ней сообщалось, что одному из пограничных сторожевых кораблей присвоено имя отважного фронтового комендора Героя Советского Союза Григория Куропятникова. Этот величественный и грозный корабль и в наши дни охраняет российские морские рубежи.

В экспозиции Центрального пограничного музея ФСБ России отражен боевой путь моряков-пограничников МО-065. Почетное место занимают фотографии Григория Куропятникова и его товарищей, военно-морской флаг катера, бортовой журнал, крупнокалиберный пулемет, из которого вел огонь Куропятников, его бескозырка, а также компас и спасательный круг. А книга Н. Островского «Как закалялась сталь», которая находилась на катере в годы войны, бережно хранится в Центральном военно-морском музее Санкт-Петербурга. ■

ГЕРОИ РОКОВОГО РАССВЕТА

Лев ЛИНЬКОВ

Эту быль, похожую на легенду, осенью 1944 года нам рассказал восьмидесятилетний Яков Брыня, житель белорусской деревни Головенчицы, что близ Гродно. Возможно, и не все сохранила его память – чересчур уж много лиха выпало на седую голову: фашисты насмерть засекли жену – старуха не выдала партизанские тропы, угнали на каторгу дочь, спалили дом. Сам Яков был ранен – правая рука висела плетью. Но глядя на его испещренное глубокими морщинами лицо, в глаза, все еще ясные и мудрые, каждый из нас чувствовал: ничто не сломило гордого человека.

— По-разному живут люди, – начал старик свой рассказ, – кто ярким пламенем горит – и себе на весь век и другим света его хватает, идешь за ним – и тепло тебе, и дорогу впереди далеко видать. А бывают такие, в которых огонек чуть теплится. Комар чихнет – погасит. Таким и под ногами темень...

Гляньте, за крайними хатами земля черным-черна. Там пограничная застава стояла, где служил старший лейтенант Александр Сивачев с пограничниками. Солдаты у него были как на подбор! И сам Сивачев хоть и молод был, а с большим огнем в душе! Любили у нас в деревне и Александра, и его бойцов. Ординарцем у Сивачева состоял Ваня Нехода. Других по имени не припомню.

В ладу мы, колхозники, с пограничниками жили. Чуть какая неясность либо заминка – к Сивачеву. Он и рассудит, и объяснит. Неизвестного в поле или в лесу увидим – опять же на заставу: так, мол, и так, неясный для нас человек вокруг Головенчиц бродит.

По вечерам и воскресеньям вся наша молодежь сбегалась к заставе. У пограничников и баян, и балалайка играли – заслушаешься, и песни пели звонко, а лучше всех играл и пел сам Александр...

Будто вчера была та суббота 21 июня 1941 года. Проходил я перед полуночью близ заставы. Гляжу, старший лейтенант вывел своих молодцов, и они окопы лопатами подравнивают. Спрашиваю: «Чего вы так усердно землю тревожите?» Александр только улыбнулся: «Надо, дед».

Ночью я снова к скотине выходил (дом мой находился как раз в соседстве с заставой), слышал – звенели лопаты, работали пограничники. А под утро, когда совсем уже светло стало, будто небо треснуло над нашими Головенчицами. Вскочил я, глянул в окно – огонь вокруг. Выбежал в чем был на улицу. Женщины кругом криком кричат, дети плачут, скотина обезумела.

Герой первых боев на границе 1941 года Александр Сивачев

С нашей околицы пальба гремит на границе. Долго ли сообразить – война! Фашист напал. Все поджилки у меня от страха затряслись. А чем Сивачеву помочь? Вилами да лопатой пулю со снарядом не упредишь. Пришлось в погребе хорониться. Народу там понабилось! Плач, стон. «Нам-то здесь что, – говорю женщинам, – а каково пограничникам?» Не утерпела душа, выбрался из погреба.

Фашисты вовсю рвутся – через нашу деревню на шоссе прямой путь. А пограничники не пускают: целую поленницу врагов наложили перед окопами.

Потом поняли, видно, враги: не по зубам орех. Приставили к животам автоматы и пошли по огородам в обход. Пули кругом летят, на лету горят, а пограничники замолчали. Неужто всех перебили? Только подумал я – опять из окопов пулемет начал стрелять. Фашист спину с пятками показал. Отлегло от сердца. Подполз к забору. Поле и опушку оттуда видно хорошо. Гляжу, враги пушки выкатили. Как полыхнет! Меня ветром сдуло, глаза песком забило, вроде ослеп. Земля ходуном ходит – снаряды рвутся на самой заставе.

Вспомнил я прошлую войну, когда сам был в солдатах, догадался: фашист ведет огонь прямой наводкой.

Часовые у памятника Александру Сивачеву

Протер глаза, привстал – и опять с копыт долой. Сразу несколько снарядов в казарму угодило. Крышу снесло, дом рухнул, взвился огонь до самых облаков.

Снова фашисты пошли в атаку. С трех сторон бегут, горланят. А наши опять молчат. И тут слышу Сашин голос: «Огонь! За Советскую Родину! Огонь!» И где силы взяли пограничники?! Все вокруг горит, окопы завалило бревнами, земля изрыта снарядами…

Моя старуха набралась храбрости, выбралась из погреба, за ноги хватает: «Уйди!» Где там уйти! Махнул я на нее рукой: «Сама хоронись» – и к заставе. Пули над головой свистят, а потом слышу Ваня Нехода меня окликает: «Куда ты, дед? Я тебя не признал, чуть в покойника не обернул!» А за мной еще человек пять приползли. Тут и Сивачев появился – голова перевязана, на повязке кровь, а лицо строгое, спокойное. «Не тревожься за нас, дед, и вы, товарищи колхозники, не тревожьтесь! – обратился он к нам. – Вас здесь безоружных перебьют. Забирайте жен с ребятами, стариков, да в лес».

Тут опять пушки загрохотали. Дополз я до своей хаты, а вместо хаты – костер. Время к полудню. Немец в атаку с трех сторон пошел. А Сашка молчит. Нет, думаю, жив он, угостит вас сейчас. И верно, стреляют наши! Только звук уж не тот – один пулемет слышно с той стороны, где я Сивачева видел, и винтовок пять, не больше.

Вдруг по земле гул прокатился. Из рощи выкатилось восемь танков с черными крестами на боках. Один на переднем окопе завертелся, другие – прямо на заставу пошли. Но тут раздалась песня! Александр Сивачев из окопа во весь рост поднялся, за ним пятеро пограничников. Запели «Интернационал» и с гранатами ринулись под фашистские танки…

Что дальше было, не видел – в погреб меня утянули. Смотрю, рука окровавилась. Раньше и боли не чуял.

Бой смолк часа в два после полудня. Стороной ушел на восток. Мы, кто посмелее, из погреба вышли – и на заставу. Там угли, земля да кровь. Погибли наши пограничники. Одиннадцать часов они бились! Три танка сожгли. Шестьдесят четыре фашиста насмерть положили. А раненых и сосчитать было невозможно.

Ночью мы опять на место боя пробрались. Достали из-под обломков мертвых пограничников и похоронили за околицей под дубом. Узнал фашистский комендант – с землей могилу сровнял. А на другое утро опять холмик вырос, и весь в цветах. Сколько ни разрушали враги ту могилу, осталась она на своем месте.

В ночь на 3 июля – вовек этой ночи не забыть! – я в поле за цветами направился. Насобирал, ползу к могиле и сам себе не верю: над братским холмом огонь мерцает. Сначала будто светлячок, а потом все пуще, ярким пламенем поднялся. Весь страх у меня перед фашистами пропал. Встал я с земли, цветы вверх поднял, иду на алый огонь. А он словно из самой земли идет, живой кровью светится.

Подхожу, а огонь все выше, все шире – полнеба захватил. Оказалось, за лесом пожар громадный!

А утром пришел к нам в деревню пограничник – зеленая фуражка на голове, в руке автомат. И как он смог пройти мимо вражеских постов? «Из Москвы по радио приказ вышел, – сказал нам пограничник. – Родина наша зовет весь народ на борьбу с врагом. Велено создавать партизанские отряды, не давать фашистам пощады».

В лес мы всей деревней ушли. Там и узнали, что ночью партизаны пустили под откос вражеский эшелон с бомбами, а командиром у них был тот самый пограничник, который нам весть о приказе принес. Отряд мы назвали именем Александра Сивачева.

– А где сейчас командир вашего отряда? – спросили мы.

– Из Пруссии прислал весточку, фашистов доколачивает.

В ясном небе который уж день не видно было фашистских самолетов и дыма пожаров. Война пронеслась над лесами и долами на запад, за пределы родной земли.

Чуть поодаль от дороги широко раскинул ветви могучий дуб. Под ним, за голубой оградой – красный обелиск, увенчанный золотой звездой. Молодые елочки обступили скромный памятник, чистый песок желтеет на тропе.

Мы обнажили головы, подошли к могильному холму и положили на него рядом с полуистлевшей зеленой фуражкой поздние осенние цветы. Было нас восемь солдат, лейтенант и седой старик. Кто-то вслух прочел:

– Здесь похоронены героические защитники советской государственной границы, павшие смертью храбрых в неравном бою с фашистскими захватчиками 22 июня 1941 года…

Прошла минута, а может быть, больше. Лейтенант подал команду, мы вскинули автоматы и выстрелили залпом три раза. Этот салют мы посвящали людям, которых никто из нас не знал, но которые были для нас больше чем братья.

В мае 1965 года Александра Сивачева посмертно наградили орденом Отечественной войны I степени. 24 апреля 1968 года Совет министров БССР присвоил его имя одной из застав Гродненского погранотряда. Именем Александра Сивачева также названы улицы на родине героя – в поселке Энем Краснодарского края – и в Гродно. ■

НАРОДНАЯ ЛЕТОПИСЬ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

Патриотический проект «Горжусь своим дедом! Горжусь отцом!» охватывает все новые регионы. Сегодня его поддерживают Международный союз общественных объединений ветеранов (пенсионеров) пограничной службы, администрации городов и руководство музеев, военно-патриотические объединения и учебные заведения.

Основная идея проекта – начиная с собственной семьи, вспомнить поименно тех, кто служил делу Великой Победы, – нашла отклик в сердцах людей самого разного возраста. Те, кто видел войну своими глазами, рассказывают о ней детям и внукам, показывают фотографии, письма, награды. Ветеранские организации организуют митинги-воспоминания, выступают с инициативой установки памятников и мемориальных досок. А, например, в Воронеже благодаря совету Региональной общественной организации ветеранов (пенсионеров) пограничной службы появилась улица имени 41-го пограничного полка. Студенты Тамбова организовали акцию памяти участников военных действий. Держа в руках длинные ленты оранжевого и черного цвета, они прошли по одной из центральных улиц города под композицию Игоря Кириллова «Минута молчания», в завершение безмолвно почтив память погибших. Эта акция была приурочена к открытию уличной выставки, на которой все желающие могли взглянуть на личные вещи, фотографии участников сражений и фрагменты орудий времен Великой Отечественной войны, а также книги о событиях этого периода.

В школах многих регионов проходят уроки воспоминаний, на которых ребята пишут сочинения о ратном прошлом своих семей. В Мурманске, Ижевске, Воронеже и Набережных Челнах были организованы городские конкурсы таких работ. Они очень искренни, эти истории о войне и Победе, рассказанные детьми. В них нет профессиональных описаний боевых действий, но в каждое из них вложена частичка души.

В Кыргызстане воспоминания о Великой Отечественной войне публикуются в альманахе. Составитель этого издания – Леонид Сумароков.

В десятках городов по всей территории Содружества Независимых Государств юные патриоты посвящают дедам и отцам свою вахту у Вечного огня, памятников, обелисков. Великая Отечественная война все чаще становится темой театральных постановок и художественных выставок.

В проект «Горжусь своим дедом! Горжусь отцом!» каждый участник привносит личную гордость за поколение победителей и собственное ее воплощение. Подумайте о том, каким будет Ваш вклад! А пока читайте в журнале «Ветеран границы» очерки из третьего выпуска альманаха Леонида Сумарокова «Те, кто приняли первый бой» и сочинения юных авторов из Татарстана. ■

ЕСЛИ ЗАВТРА ВОЙНА

Позвонил как-то мне бишкекский историк-краевед Владимир Петров, предложил брошюру, датированную 1935 годом: «Слышал, пограничная тема тебе небезынтересна. Полистай, подумай». А брошюра действительно необычная. На титульном листе дарственная надпись: «Дальневосточнику-офицеру тов. Липовичу от дальневосточника-композитора В. Фере. Мы еще вернемся на Дальний Восток. Г. Фрунзе, 1944, декабрь». Казалось бы, лишь в подписи известного композитора и кроется вся ценность тоненькой книжицы с простеньким названием «На страже границ».

Подумаешь, скажет молодежь из телепередачи «Достояние республики», какие-то 11 дальневосточных красноармейских песен. Действительно, слова-то совсем не современные:

Цветет июль, душистый и зеленый…
Но если вновь ударит гром войны,
За нами встанут матери и жены
На всех границах доблестной страны!

Нынешние меломаны отправили бы в макулатуру… поучительную историю о роли песни в жизни человека, защитника государственных рубежей.

Авторами брошюры, увидевшей свет 75 лет назад в Хабаровске, были поэт Сергей Островой и композитор Владимир Фере. Напомню подзабывшим, что Сергей Островой – автор текста таких известных и до сей поры напеваемых песен, как «Песня остается с человеком» (композитор – Аркадий Островский), «Дрозды» (компо-

зитор – Владимир Шаинский), «У деревни Крюково» (композитор – Марк Фрадкин), «Зима» («Потолок ледяной, дверь скрипучая...», композитор – Эдуард Ханок), «В путь-дорожку дальнюю» (композитор – Матвей Блантер). А уроженец Волгоградской области Владимир Фере – один из основоположников киргизской композиторской музыки. Он, А. Малдыбаев и В. Власов – авторы первых киргизских опер «Лунная красавица» (1939), «Манас» (1946; 2-я редакция – 1966), «Токтогул» (1958). Кроме того, совместно они написали музыку Государственного гимна Киргизской ССР (1946).

В 1934 году поэта Островского и композитора Фере свела вместе командировка на Дальний Восток. В 2001 году Сергей Островой вспоминал в «Комсомольской правде»: «В моей квартире раздался звонок, и мне, сопляку, предложили командировку на Дальний Восток в армию, которой командовал Блюхер. Там я написал песню «Мы советское Приморье никому не отдадим». Блюхер услышал ее и пригласил на встречу. Помню, у него в прихожей ждала масса генералов, а он беседовал со мной... А потом предложил проплыть по всему Амуру и заглянуть на Сахалин. Поездка продолжалась полгода, и за это время я написал 11 песен. Блюхер, приезжая в Москву на сессии Верховного Совета, всегда мне звонил».

Результатом творческой командировки начинающих поэта и композитора (а она длилась осень и зиму 1934–1935 годов) как раз и стало издание брошюры «На страже границ». Об этой совместной работе современник напишет: «Они сумели найти общий язык, который спаял в этом сборнике слово и музыку».

Подумаешь, достижение, усомнится кто-то. Ради чего так много слов? Всего-то 11 песен на 39 страницах...

Как написал в предисловии к песеннику заслуженный деятель искусств Е. Браудо, «огромная ответственность лежит на авторах красноармейских песен. Велико воздействие песен на массы». Он не ошибся. Красноармейский песенник, изданный тиражом в 45 тысяч экземпляров, сразу стал популярным. Почему? Страна жила в ожидании тяжелых испытаний. Одна из песен, например, призывала к бдительности:

По границам рыщет ворон,
К сопкам тянется седым.
Мы пугнем его дозором,
Пулеметом прострочим!

В 1939-м грянули события на Халхин-Голе, через год – на Хасане, а через два года началась Великая Отечественная война. ■

ТАНК ИМЕНИ ДЕПУТАТА

Передо мной пожелтевшая подшивка Ошской областной газеты «Ленинский путь» за 1941 год. В ней военные сводки Информбюро, вести из трудовых коллективов, фотографии героев-фронтовиков, снимки пленных немцев и даже инструкции о действиях в условиях вражеских авианалетов. Все говорит о том, что идет война и все силы направлены на отпор врагу. Даже дети не стоят в стороне. Вот, например, в номере № 150 (395) от 21 декабря 1941 года сообщается, что на дни зимних каникул Фрунзенский дом пионеров наметил широкую программу. Со школьниками «будут проведены военизированные эстафеты в противогазах. У зажженных елок встретятся пионеры с участниками Великой Отечественной войны». А рядом со статьей – очерк Моисея Альтшулера «Боевой путь капитана Костыри» о фронтовике, который никогда не придет на встречу со школьниками.

Никогда не встретится Василий Костыря и со своими избирателями. Накануне Великой Отечественной войны его, командира маневренной группы 14-й Алай-Гульчинской пограничной комендатуры, избрали депутатом Верховного Совета Киргизской ССР по Ленинскому округу № 205 города Оша. «Десятки людей, – пишет автор очерка, – обращавшихся к нему по своим личным нуждам, сохранили о своем депутате наитеплейшие воспоминания... Немудрено, что имя Костыри – замечательного боевого командира, прекрасного общественника, очень отзывчивого к нуждам пограничного населения, – стало популярно по всей Ошской области».

Биография Василия Костыри во многом типична для поколения предвоенной поры. Забойщик из Донбасса за время военной службы на киргизско-китайском участке советской границы превратился в «отличного стрелка, рубаку, прекрасного воспитателя-командира, первого друга бойцов своей части». Подтянутый, строгий и требовательный в часы учений, в свободное время Костыря становился веселым, жизнерадостным. Никто не помнил его без улыбки на лице.

Авторитет укреплялся не только в учебных классах и на полигоне. Граница Киргизии 30-х годов оставалась неспокойной. То басмаческие банды проверяли ее на прочность, то отряды контрабандистов прокладывали оружием дорогу своим караванам. Рассказывали, как Костыря с одним пулеметным расчетом сорвал переправу крупной банды нарушителей государственной границы, как смело вел в сабельные атаки пограничников, каждый раз выходя победителем из кровавых схваток.

Значит, по праву его называли батькой. Бывшие сослуживцы так и обращались к нему в письмах с западной границы СССР и просили не терять с ними связь. Именно туда, на запад страны, где его товарищи сражались с коварным врагом, в июне 1941 года обратил свой взор капитан Василий Костыря, подав в числе первых рапорт об отправке на фронт. Решение состоялось столь быстро, что пограничник даже не успел попрощаться с семьей.

Всего неделю провоевал, или, как говорилось в письме, «проработал», на фронте капитан Василий Костыря. Перед своим последним боем он сам произвел разведку вражеских позиций, а потом лично повел батальон в атаку. В четыре утра подразделение форсировало вброд реку и сходу выбило противника с господствующей высоты. Бой был жестоким и беспощадным.

Комбата Василия Костырю нашли мертвым в колосящейся ржи. На окровавленной гимнастерке алел значок депутата Верховного Совета Киргизской ССР.

Как полагается, перед боем Костыря послал весточку родным. Письмо проникнуто любовью и заботой о них. «Веруся! Мои дорогие и любимые детки! Пишу в три часа ночи. Как раз закончил срочную работу под гул вражеских орудий. Сейчас хочу лечь, немного отдохнуть, – писал он, стремясь подбодрить жену, – но не знаю, как посоветуешь ты мне, отдыхать или работать? Отвечай!»

Она не замедлила с ответом, но адресат его не получил.

В ноябре 1941 года газета «Ленинский путь» объявила сбор средств на строительство танка имени Василия Костыри. Танк с начертанным на броне именем героя-пограничника дошел до Берлина. ■

СВИДЕТЕЛИ СЛАВЫ

В стремительном беге времени порой забываются имена, стираются в памяти свидетельства деятельности поколений, теряются атрибуты эпохи. Это как в случае с пограничником Василием Костырей. Не сохранились фотографии героя, а судьбу его смогли проследить лишь по газетной публикации. Что донесет память о поколении победителей до их потомков? Кроме мемуаров, газет есть еще и письма военной поры. Они – один из важнейших исторических источников, зафиксировавших людей и судьбы.

Фронтовые письма – художественная летопись времен военного лихолетья, обращение к героическому прошлому наших предков. Написанные бесхитростным языком, они вмещают все – краткие повествования о войне, призыв к беспощадной борьбе с захватчиками и грусть по родному дому, беспокойство за родных. Почти все письма начинаются со слов «милая мама», «мои родные», «дорогие мои дети», «любимая». Бойцы вкладывали в конверты фотографии, стихи, газетные вырезки. Письма писались прямо на поле боя. Часто по отдельным фразам можно было установить местонахождение фронтовика: «Отстоим город Ленина», «Привет из Белоруссии».

Составной частью посланий были рассказы о подвигах сослуживцев и собственных заслугах. Пограничник майор Сапожников писал с фронта своим товарищам в Киргизии: «От музыки «Катюш» и «Андрюш» светится земля даже в наших окопах. Через двадцать минут идем в атаку. Что надо сказать о гульчинцах: все они дерутся храбро и мужественно, за короткое время почти все удостоены высоких правительственных наград – орденов и медалей». Часто к письмам прикладывали обращения командования, в которых родственникам выражалось почтение за умелые действия, храбрость во фронтовой обстановке бойца – их отца, брата, сына, мужа.

В 1942 году в семью Рапии и Шакы Джумалиевых, трудившихся в киргизском колхозе «Акужар», пришло письмо со словами военкома Маслова об их сыне Торобеке: «Благодарим вас за то, что в вашей семье вырос такой замечательный, смелый, отважный патриот нашей Родины. В боях с немецкими захватчиками у стен великого города Ленина он вместе с русским, украинцем, белорусом, евреем, марийцем, татарином защищает подступы к городу, в котором никогда не была нога интервента».

По этим кратким сообщениям в глубоком тылу формировалась уверенность в том, что «враг будет разбит, а победа будет за нами». Тыл делал все для того, чтобы на фронте бойцы не знали нужды, поддерживал их делами и словом. Фронт отвечал взаимностью.

Часто связь устанавливалась не только между родственниками, друзьями, но и между совершенно незнакомыми людьми. Школьники писали фронтовикам, а те находили время ответить детям. Воинские подразделения переписывались с трудовыми коллективами. Вот фронтовой ответ на письмо фрунзенских школьников: «Теперь отвечаю на ваш вопрос: героев в отряде у нас нет, ну, есть такие, например, как Федотов Н., награжденный орденом Красной Звезды, который из пулемета «Максим» только за один бой уничтожил полбатальона фрицев. Ну, еще можно написать имена орденоносцев Логвиненко, Шкуматова, Валова, Фролова, ну, еще многих, а также приплюсуйте меня».

В августе 1941 года газета «Правда» публиковала материал о том, как важно, чтобы письма находили своего адресата на фронте. В первый военный год Государственный комитет обороны СССР принял несколько постановлений, касавшихся продвижения корреспонденции между фронтом и тылом. Фронтовое письмо рассматривалось руководством страны как грозное оружие на пути к Победе. Ежедневно уходили на фронт тысячи писем, открыток, газет и журналов. Не меньше шло писем с фронта – в разные города, поселки и села, туда, где родные ждали возвращения бойцов.

Сформированная в стране система военно-полевой почты, несмотря на попытки командования немецких войск дезорганизовать ее работу, действовала безупречно. Немцы охотились за почтовой корреспонденцией, наносили удары по узлам связи.

Использование почтового транспорта для хозяйственных работ запрещалось. Почтовые вагоны имели особый статус важности. Они беспрепятственно прицеплялись к поездам независимо от назначения эшелона. И все же в первые годы войны существовала трудность – не хватало конвертов. С фронта отправлялись «солдатские треугольники».

Но с первыми же победами над врагом был налажен и выпуск почтовой продукции. В производстве конвертов, открыток, бумаги теперь учитывалась не только эстетическая, но и практическая сторона – они несли агитационную нагрузку, нацеливая отправителя и получателя на скорейший разгром врага.

Как писала газета «Правда», «каждое письмо, посылка… вливают силы в бойцов, вдохновляют на новые подвиги». Неудивительно, что духовная сила фронтовых посланий до сей поры не ослабевает. В них дыхание войны, суровость окопной правды, нежность солдатского сердца с его стремлением к Победе. ■

ВСЕ СТАНОВИТСЯ ПРОШЛЫМ?!

Все становится прошлым – боль и слезы, кровавые бои и победы, затягиваются раны в сердцах людей, выцветают траурные платки матерей. Уходит прошлое, но не забывается. Поколение за поколением, как эстафету мужества, стойкости, передает память подвиги отцов и дедов, помогает учиться у них любви к Родине и верности идеалам. С чувством глубокой благодарности люди вспоминают тех, кто сражался и отстоял для нас Родину!

Родина! Сколько радостного, трепетного чувства и силы в этом слове! С молоком матери, с шелестом трав на лугах, с песней, такой родной и близкой, познаем мы его смысл. В годы Великой Отечественной войны не жажда подвигов, а всемогущая, негасимая любовь к Отчизне делала простых, незаметных в мирное время людей героями.

9 мая – не только День Победы, это и день священной Памяти. С этим праздником я поздравляла своего прадедушку – Адыева Габдулкариба Адыевича. Он ветеран, во время войны служил в разведке. 9 мая я ходила с ним к Вечному огню, а потом мы решили прогуляться по парку.

– В сосновом лесу слышно далеко. Оттого, наверное, и тихо всегда в нем: деревья сообща берегут тишину, может быть, потому, что так легче ощущать течение вечности. Может быть, потому, что деревья знают: вечность – это отсутствие всякого времени, – сказал мне прадедушка.

После его слов мне вспомнились стихи А. Твардовского:

Но… даром думают, что память
Не дорожит сама собой,
Что ряской времени затянет
Любую быль, Любую боль…

Я посмотрела на прадедушку и увидела в его глазах такую грусть, что у меня сжалось сердце. Мы сели на скамейку, и дедушка начал рассказывать про войну, про страшные годы лишений и страданий:

– Мне не было еще 18 лет, когда в августе 1942 года меня призвали в ряды Красной армии. Сначала нас обучали военному делу в Алкинском лагере запасных полков, затем перевели в Чкаловскую область, в лагерь где-то недалеко от станции Калтугановка. Курсы обучения военной специальности были ускоренными, и уже в начале декабря 1942 года нас отправили на фронт.

Боевое крещение я получил на Волховском фронте, недалеко от города Великие Луки, 23 декабря. В то время немецко-фашистские войска были еще достаточно сильны. Наша оборона, не выдержав их натиска, отступала в сторону Новгорода. Немцы усилили натиск на Ленинградском направлении, и наш Волховский фронт был переброшен туда.

В тех боях меня дважды контузило, дважды я был ранен. После четвертой атаки гитлеровцы выбили советские части с соседних высот, и наш батальон получил приказ отступать. Солдаты окопались на новом рубеже и ждали новых атак. Утром пришел приказ: взять высоту. Вот тогда-то, за три минуты до начала штурма, я и понял главный закон окопов.

– А какой он, главный закон окопов? – спросила я.

Прадедушка немного помедлил:

– Умирать не хочется, а умирать надо.

Он отвернулся, и я поняла, что в эту минуту воспоминания волной захлестнули его. Я представила себе картину этого боя.

Первым встал комбат, он неуклюже выскочил из окопа и сделал первый шаг. Грязь жирно захлюпала под его тяжелыми сапогами. Говорят, в атаке все дело во втором: встанет второй, значит, встанет весь батальон. И он встал. Мой прадед, тогда еще парнишка ростом чуть больше полутора метров. Комбат бежал впереди в пяти шагах. Всем телом, каждой клеткой он стремился к этой проклятой высоте. Пулеметная очередь, вспоровшая грудь, остановила его. Но даже тогда, скорчившись, за мгновение до гибели, он стремился вперед.

Прадед обернулся и увидел десятки искаженных напряжением и яростью лиц. Он был сейчас впереди, значит, был командиром. Вскинув вверх руку с пистолетом, он прокричал: «Вперед! За Родину!» В следующую секунду его что-то толкнуло. Падая, он увидел взметнувшийся конус взрыва. И все…

Прадедушка продолжил свой рассказ:

– Оправившись, я снова встал в строй бойцов. Осколки из рук и лба извлекать не стали, так они и остались навсегда. Теперь они служат мне барометром: как непогода – дают о себе знать. День Победы мы встретили на территории Финляндии. Наши войска были брошены на уничтожение немецких захватчиков, прятавшихся в лесах этой страны.

Любуясь парком, он обратил внимание на деревья:

– И деревья бывают счастливы, когда на них птицы вьют гнезда.

Восхищаясь картиной природы, прадедушка снова задумался, но в его глазах я уже не видела боли. Он как будто избавился от груза, давившего на него многие годы. Мы шли навстречу моей шестнадцатой весне и радовались ясному мирному небу…

Я безгранично счастлива. И мне даже чуть-чуть страшно от такого большого счастья, такого неоценимого подарка, который я получила даром.

Мы чтим память героев фронта и тыла, чтим живущих среди нас и ушедших, преклоняемся перед их великим подвигом. Нам предстоит принять эту эстафету – мы в ответе за будущее страны, за ее чистое небо. ■

Алия МУЛЛАХМЕТОВА, 9А класс,
школа № 28, Набережные Челны

МОЯ СЕМЬЯ ПРИЧАСТНА К ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЕ

Я человек другого поколения, но о войне знаю немало: из книг, художественных и документальных фильмов, уроков литературы, рассказов моих родителей.

Нет в России семьи такой,
Где не памятен был свой герой,
И глаза молодых солдат
С фотографий увядших глядят…
Этот взгляд – словно высший суд
Для ребят, что сейчас растут.

Идут годы, меняются поколения. Прошло уже 66 лет с тех пор, как закончилась Великая Отечественная война. И только память человеческая может запечатлеть многие ее страницы, благодарно сохранить и передать в наследие имена защитников Отечества.

Более 560 тысяч сыновей и дочерей Татарстана ушли на войну, свыше 250 тысяч из них не вернулись. Они погибли, защищая Родину. В их числе мой прадед Тазимарданов Маних Тазимарданович.

Он родился в 1922 году в селе Старое Сафарово. Моему прадеду было всего 19 лет, когда Актанышский военный районный комиссариат направил его на передовую. 5 августа 1945 года мой прадед погиб в одном из боев от множества ранений. Похоронен он в селе Коротояк Воронежской области. Его имя занесено в Книгу Памяти.

Книга эта – знак вечной памяти о погибших в годы Великой Отечественной войны солдатах и офицерах, дань глубокого уважения к их подвигу. В ней скорбный список уроженцев Аксубаевского и Актанышского районов Татарстана, погибших в боях, умерших в госпиталях, пропавших без вести на огненных дорогах войны. Это священная книга. В ней боль и гордость народа. Боль и скорбь по отцам и братьям, сестрам и матерям, ушедшим однажды и больше уже не вернувшимся в отчий дом.

Мой папа в 2008 году ездил в село Коротояк и увековечил имя своего отца на надгробии братской могилы. На этом камне высечены имена сотен солдат и офицеров – защитников Родины.

Я горжусь своим прадедом, потому что в той жестокой войне он не склонил голову перед смертельной опасностью и победил, отдав за спасение Отечества самое дорогое – жизнь.

История другого моего прадеда не менее интересна. Салимгараев Нурулла Салимгараевич. Родился он 12 августа 1912 года в деревне Верхний Байлар Мензелинского района. Окончив четыре класса, работал в колхозе. На фронт ушел добровольцем в 1941 году. Воевал связистом на Белорусском фронте. Трижды был ранен. В 1943 году его наградили орденом Красной Звезды. Вскоре после этого он оказался в госпитале. И вдруг начался обстрел. Одна из пуль попала моему прадеду в грудь. Но путь ей преградил орден. В 1945 году мой прадед был демобилизован и вернулся в родную деревню.

Четыре долгих кровавых года. Они и сейчас кажутся бесконечными. А тогда над каждым домом кружила беда. Скорбным потоком шли похоронки, отнимая подчас последнюю надежду. Но мой прадед вернулся живым. До пенсии он работал в колхозе бригадиром. Умер в 1985 году.

Цена Победы была высока. Поэтому мы должны свято помнить о павших героях, рассказывать о них детям и внукам. Это наша благодарная дань их мужеству, благородству, верности Родине. Разными они были, защитники Отечества, но объединяло их чувство любви к родной земле и долга перед грядущими поколениями. Это чувство они завещали нам.

Мой папа, Марданов Айдар Флюсович, в мирное вроде бы время тоже стал героем. В 1988–1989 годах он участвовал в боях в Персидском заливе. Папа стойко перенес все тяготы той войны и за проявленную отвагу был награжден медалью Ушакова и медалью Нахимова. Эти награды хранятся вместе с орденами и медалями моих прадедов.

Я горжусь своими родными и считаю, что должна быть достойной их. Я учусь на «отлично», занимаюсь все свободное время лыжным спортом. К своим 15 годам имею 5 медалей за первое место, 6 медалей – за второе место, 7 медалей – за третье место, 54 грамоты, 16 дипломов и 3 кубка.

Моя семья причастна к Великой Победе. Мне есть на кого равняться! ■

Пост №1 в Набережных Челнах. На вахте здесь стоят школьники

Алина МАРДАНОВА, 8А класс,
школа № 49, Набережные Челны

СЛАГАЕМЫЕ СЧАСТЬЯ

Валентина КОЗЛОВИЧ

Федор Шашлюков, один из первых Почетных пограничников Республики Беларусь, живет в красивом старинном доме в центре Бреста. Окна выходят в тихий дворик, оберегающий квартиры жильцов от городского шума и суеты. Откроешь раму – и комнату наполняет тонкий солнечный аромат абрикоса вперемешку с пряным запахом смородины...

Федор Петрович родился в селе Федоровское Татарской АССР. В апреле 1941 года был призван в ряды Красной армии, а уже 22 июня на танке БТ-7 в качестве стрелка-радиста принял первый бой с фашистами.

Рассказывать о войне он не любит – слишком тяжелое было время. И лишь награды – орден Отечественной войны I степени, медали «За боевые заслуги», «За оборону Кавказа», «За победу над Германией» и множество других – красноречиво свидетельствуют о ратных подвигах. Находясь на курсах подготовки офицерских кадров Московского военно-технического училища связи пограничных войск, 24 июня 1945 года он принял участие в первом и, несомненно, главном Параде Победы на Красной площади.

В 1947 году Федора Шашлюкова направили в Дальневосточный Краснознаменный пограничный округ. А в 1956 году он приехал в Брест – укреплять западную границу. Город встретил офицера пьянящей нежной весной... Понравилось в Белоруссии и дочери Федора Петровича – Нелли. Ее ждали здесь удивительные открытия: на Пограничном острове, где был питомник для собак и разводили кроликов, она впервые увидела зубра, у самой границы собирала грибы. Даже фильм «Карнавальная ночь» Нелли Шашлюкова впервые посмотрела в клубе погранотряда. Однако по стопам отца она не пошла. Хотя мысли такие, по ее словам, были. А вот внучка Федора Петровича Ксения – связист!

В Брестском погранотряде Федор Шашлюков служил до 1970 года. В общей сложности посвятив границе 26 лет жизни, он ушел в запас с должности начальника связи отряда. Затем более 10 лет работал на Брестском заводе газовой аппаратуры. Долгие годы, пока позволяло здоровье, Федор Петрович навещал родную пограничную часть, вел активную военно-патриотическую работу в составе Совета ветеранов Брестской Краснознаменной пограничной группы. В память о службе на рубежах Отечества сегодня в его комнате висит большой ковер с символикой подразделения. Эта реликвия перейдет к правнуку Федора Петровича Юрию, когда тот подрастет.

Маленький Юрий недавно гостил у прадедушки. Приезжал вместе с мамой из Санкт-Петербурга. Нелли Федоровна вместе с мужем и детьми давно живет в городе на Неве, звала к себе и отца. Но ветеран не желает покидать Брест, ставший для него родным. «Сказал, что без пограничников, которые приходят в гости, поздравляют со всеми праздниками, ему будет у нас скучно», – говорит Нелли Федоровна.

Немало испытаний выпало на долю Федора Петровича Шашлюкова, но он не считает себя обделенным судьбой. У него есть любовь родных, преданность друзей и уважение тех, с кем довелось служить и работать. Это ли не истинные слагаемые счастья? ■

ВОЙНА – ДАЛЕКАЯ И БЛИЗКАЯ

Ольга МУЛИНА

Сегодня, когда ветеранов Второй мировой войны почти не осталось, каждый из тех, кто дожил до наших дней, на особом учете. И уж совсем мало осталось тех, кто встретил врага на западной границе. Потому что таким людям пришлось пройти через 1418 дней войны, каждый из которых мог стать последним. Ветеран-пограничник Михаил Могилевский – один из таких людей. За его плечами долгий жизненный путь, но самый яркий и трагичный этап – Великая Отечественная война, которую он встретил 21 июня 1941 года на 1-й заставе 79-го пограничного отряда в Измаиле.

Июнь 1941 года для пограничника Михаила Могилевского и его товарищей был самым обыкновенным. Пограничные будни сменяли друг друга, служба шла своим чередом. Разве что нарушителей границы стало больше – как-то лично Могилевский задержал сразу девять человек. Михаил Акимович вспоминает, как это происходило:

– Ночь. Сидим над рекой в засаде. Слышим – шлепают по воде весла. Ждем, когда лодка причалит к берегу, и встречаем «гостей». Они как оружие увидели – кричат: «Только не стреляйте!» Мы раскладываем их на берегу лицом вниз и вызываем тревожную группу…

В остальном на границе с Румынией было тихо. В угрозу войны тогда мало кто верил, ведь между СССР и Германией был заключен пакт о ненападении. И словно в подтверждение этого каждый день по Дунаю шли огромные баржи, перевозившие хлеб из Советского Союза в Германию.

Утром 22 июня иллюзиям пришел конец. В 4.30 с румынской стороны по пограничным заставам и постам был открыт ружейно-пулеметный, минометный и артиллерийский огонь. Поначалу Михаил и его товарищи подумали, что это провокация. Только через полчаса пограничникам объявили о начале войны.

В 5.00 противник ударил по заставе из орудий крупного калибра. Вскоре румыны при поддержке артиллерийского огня пошли в атаку. Их встретила батарея пушек береговой обороны, прикрывавшая заставу. Тремя залпами вражеский батальон удалось остановить.

Но у советских пограничников тоже не все было гладко. Одним из первых погиб начальник заставы.

Политрука пытались взять в плен румынские лазутчики, но ему удалось вырваться и нырнуть в реку. В устье Прута его подобрал сторожевой корабль Дунайской флотилии. Моряки перевязали пограничника и помогли вернуться на заставу.

Следующие десять дней пограничники 79-го Измаильского отряда держали оборону совместно с 59-й дивизией. Враг понес на этом направлении ощутимые потери: 800 человек были взяты в плен, 327 – убиты, около 100 – ранены. Советским войскам удалось сбить 7 самолетов противника, захватить 15 орудий и почти 3 тыс. снарядов к ним, около 800 винтовок и 82 тыс. винтовочных патронов, 8 станковых и 10 ручных пулеметов, 416 мин и 340 ручных гранат. Потери советской стороны составили убитыми 10 человек, ранеными – 11. Таким образом, Михаил Могилевский стал свидетелем и участником одной из славных страниц отечественной истории пограничных войск.

2 июля 1941 года 79-й погранотряд получил приказ о передаче участка обороны частям Красной армии. Пешим порядком через всю Бессарабию пограничники отправились к городу Аккерману. Оттуда их должны были повезти в Одессу, но к тому времени немецкие войска уже взяли Киев и прорывались дальше. Отряд занял было оборону в Кировограде, но через день пришел приказ отступать к Днепропетровску. При отходе под деревнями Васильевка и Кринички Михаил Акимович и его товарищи участвовали в боях с фашистами.

Затем отряд получил новую задачу – по охране тыла Южного фронта. Пограничники контролировали перемещение войск, выявляли шпионов и диверсантов, останавливали дезертиров, охотились за парашютистами.

Уцелев в кровавом пекле приграничных боев 1941 года, Михаил Могилевский еще не подозревал, что судьба готовит ему новое страшное испытание – катастрофическое для Красной армии окружение под Харьковом, выжить в котором довелось немногим.

В конце 1941 года Красной армии удалось остановить противника, нанеся поражение под Москвой. В новом, 1942-м планировалось изгнание врага с советской земли. С этой целью в районе Харькова было начато крупное наступление. Участвовало в нем и пограничное подразделение, в котором служил Михаил Могилевский.

События разворачивались в районе Барвенского выступа, где РККА удалось прорвать оборону гитлеровцев и глубоко вклиниться в их порядки. К сожалению, на тот момент у советской стороны еще не было опыта наступательных операций против вермахта. Фашистам удалось стянуть в район прорыва огромные силы и провести контрудар. В результате в мае 1942 года крупная советская группировка была окружена. В числе почти 300 тыс. бойцов и командиров в окружении оказался и наш герой.

– Мы получили приказ отходить, – рассказывает Михаил Акимович. – Когда мы пришли к назначенному месту, то увидели огромную лощину, забитую орудиями, машинами, повозками. У края лощины протекала речушка с очень топкими берегами. Она-то и стала основным препятствием. На противоположной стороне находилась деревушка. Ее занял противник, и всех, кто подходил к переправе, встречал минометный огонь…

Части, оказавшиеся в окружении, раз за разом пытались прорвать кольцо, но лишь несли огромные потери. Всю технику пришлось бросить – кончилось топливо, у орудий не было снарядов.

– На следующую ночь мы начали прорываться из окружения, – вспоминает Михаил Акимович. – У нас были только винтовки. Прошли через поле и наткнулись на окопы. Что мы сделали? Штыки наперевес – и вперед на эти окопы с криками «За Родину! За Сталина! Ура!» А у немцев – несколько линий обороны и все пристреляно. Они косили нас из пулеметов, как рожь косят! Слышу, военфельдшер Катя кричит: «Комиссара разрывной пулей в живот ранило!» Я бросился к нему, а она уже кричит: «Комиссар застрелился!..»

В этот момент Могилевского ранило в бедро. Боли он не чувствовал – сказался болевой шок, но рана оказалась серьезной – размером с ладонь. К счастью, не были задеты ни артерия, ни нервы. Михаил достал индивидуальный пакет, перевязался. Повязка тут же набухла от крови и сползла, но нужно было двигаться вперед, чтобы выйти из-под ураганного огня.

– Я оперся на винтовку и поковылял, – продолжил Михаил Акимович свой рассказ. – Пройду несколько шагов – нижняя часть мышцы бедра выползает. Снял рубаху, разорвал на полосы. Подвязал рану, иду дальше. А вокруг трупы… Вот как в очень снежную зиму заносы образуются, так и тогда трупы вокруг лежали – огромными грудами… В какой-то момент захотел застрелиться. Но потом подумал: «Как там мои родители, у которых никого кроме меня?» И, самое главное, такая обида меня взяла: я же в жизни ничего не видал, даже с девушкой еще не целовался! Решил, черт с ним, застрелиться всегда успею!

Чудом удалось выйти из окружения к своим. К Михаилу подбежали двое солдат. Они отнесли раненого в деревню. Но там ему только сменили повязку – ничего, кроме бинтов, в медсанчасти не было. К вечеру пришел приказ отступать. Медики с трудом нашли повозку. Михаила и еще пятерых раненых погрузили и отправили на санитарный поезд.

– В городе Барвенково, в школе, меня прооперировали, – вспоминает Могилевский. – Ничего обезболивающего не было, по живому резали…

Несмотря на все испытания, Михаилу Акимовичу удалось выжить в одном из самых кровавых сражений Второй мировой. Окружение под Харьковом стало последним крупным поражением Красной армии. Солдаты, павшие в тех боях, проложили дорогу будущим победам под Сталинградом, на Курской дуге, под Ленинградом, на Днепре и множеству других.

Семьдесят лет минуло с тех пор, как прогремели первые бои Великой Отечественной, но для Михаила Акимовича все это было словно вчера, и память не подводит, листая страницы далекого прошлого. Он вновь и вновь готов рассказывать о страшных событиях тех лет, о самоотверженности и героизме своих боевых товарищей. Они шли на смерть во имя мирной жизни. Будем помнить об этом! ■

Фото Александра БИБИКА

ТАЙНА ОСТРОВА УДД

Владимир БЫКОВ

Имя легендарного советского летчика Валерия Чкалова, некогда гремевшее по всему миру, нынешним поколениям уже мало что говорит. Так же, как и десятки других имен героев 20–30-х годов прошлого века. Лишь благодаря редким неравнодушным людям мы имеем возможность смахнуть пыль с пожелтевших страниц истории. Одним из таких энтузиастов является Владимир Быков. Он долгие годы посвятил изучению малоизвестных подробностей рекордного перелета Валерия Чкалова на Дальний Восток.

В поисках прошлого

В детстве мы с братом и старшей сестрой часто коротали долгие зимние вечера за разговорами при керосиновой лампе. Иногда к нам присоединялась мама. Читала бережно хранимые письма отца с фронта, рассказывала, как они жили в Сибири в довоенные 30-е годы. Тогда отец служил в 65-м морском пограничном отряде в Николаевске-на-Амуре. В моем детском воображении мамины рассказы обретали удивительные образы. Я представлял загадочный и далекий пограничный пост на берегу бухты большого скалистого острова. Начальником этого поста и был мой отец, Федор Быков…

Погранпост располагался на острове Лангр. Рядом с Лангром лежали острова Удд, Кевос, а также множество безымянных островков поменьше. Все они вытянулись цепочкой и отделили от Охотского моря залив, названный ученым-первопроходцем адмиралом Г. Невельским заливом Счастья.

По рассказам мамы, однажды на острове Удд аварийно приземлился самолет АНТ-25. Его экипаж во главе с Валерием Чкаловым по заданию советского правительства совершал перелет из Москвы на Дальний Восток через Северный Ледовитый океан. Пограничники помогли летчикам. Впоследствии отца наградили за это именным нарезным оружием, а также вручили целую кучу правительственных подарков: двуствольное ружье, ярко-красный патефон, диковинный набор кухонной эмалированной посуды, отрез материала…

Я всегда считал участие отца в обеспечении посадки АНТ-25 на остров Удд семейной историей и связывал ее только с памятью о родителях. Но одно обстоятельство заставило меня посмотреть на нее иначе. В 90-е годы я пытался отыскать могилу отца. Он погиб в августе 1944-го в Румынии. Поиски оказались непростыми – точных данных о танковой бригаде, в которой он воевал, у меня не было. Сведения могли находиться в его личном деле, но неожиданно выяснилось, что отец числился не в составе РККА, а в контрразведке. Необходимые мне документы были засекречены. Только после обращения к бывшему начальнику Федеральной службы безопасности России Н. Патрушеву я получил копии многих страниц личного дела отца. Были среди них и те, в которых говорилось о его пятилетней службе на островах Охотского моря и награждении за помощь экипажу Чкалова. Тогда-то меня и заинтересовали ныне почти забытый полет АНТ-25 и причастность пограничников к тем событиям.

Однако все довоенные архивные документы 65-го морского погранотряда, принимавшего непосредственное участие в обеспечении перелета и приземления АНТ-25, оказались утерянными при загадочных обстоятельствах. Информация об экипаже, состоявшем из Валерия Чкалова, Георгия Байдукова и Александра Белякова, не выходила за рамки напечатанного в книгах и газетах. Лишь спустя годы исследовательской работы мне удалось создать этот очерк. В его основу положены только подлинное содержание архивных документов, мемуары участников перелета да воспоминания моих родных.

Во имя рекордов

Итак, 1936 год. Уже девять лет, как американский летчик Чарльз Линдберг совершил первый трансатлантический перелет из Нью-Йорка в Париж, став всенародным героем по обе стороны Атлантики. Уже три года держится мировой рекорд дальности

беспосадочного полета по прямой – 9104 км, установленный французскими летчиками Полем Кодосом и Морисом Росси. Регистрируют все новые авиационные рекорды американские, французские, английские, итальянские энтузиасты. В Германии Гитлер создает мощные военно-воздушные силы. В этих условиях Советскому Союзу просто необходимо было продемонстрировать миру собственные успехи в развитии авиации.

Конструкторское бюро А. Туполева получило задание создать самолет-гигант для сверхдальних перелетов и огромные средства. Работу бюро курировала правительственная комиссия во главе с К. Ворошиловым. И вскоре появился самолет РД (рекорд дальности), позже получивший название АНТ-25. Теоретически он мог пролететь без посадки более 13 тыс. км.

Что бросается в глаза человеку, впервые увидевшему АНТ-25? Прежде всего – размер крыльев. Они огромные! Инженерная мысль превратила их в бензобаки, вмещающие около 6 т горючего. Еще удивляет конструктивная простота самолета. Облегченный дюралевый фюзеляж. Очень тесная, плохо обогреваемая кабина пилота с голой металлической пластиной вместо сиденья. Миниатюрный штурвал. В узкой нише для ног – почти соприкасающиеся друг с другом педали управления. Попасть в кабину пилота из фюзеляжа можно только через проем над 300-литровым масляным баком.

«Самолет АНТ-25 при всей своей совершенной по тому времени аэродинамике и конструкции обладал скромным, в современном понятии, потолком набора высоты и такой же скромной скоростью – 150–185 км в час. Причиной этому была сравнительно небольшая мощность авиационного мотора», – вспоминал Александр Беляков.

После испытаний самолет АНТ-25 передали С. Леваневскому для подготовки перелета из Москвы в Америку через Северный полюс. Но тот полет не удался – над Баренцевым морем началась утечка масла. Леваневский развернул АНТ-25 на Москву, а после приземления заявил Сталину, что такой самолет мог построить только вредитель. Второй пилот экипажа Леваневского – Георгий Байдуков – заступился за Туполева и предложил освоить АНТ-25 своему другу – летчику-испытателю Валерию Чкалову.

Учитывая особую важность перелета в США и отсутствие гарантии на успех, решено было совершить предварительный сверхдальний полет над территорией СССР – на Дальний Восток. Газеты Советского Союза опубликовали официальное сообщение о том, что экипажу самолета АНТ-25 было дано задание пролететь без посадки по маршруту Москва – Баренцево море – Земля Франца Иосифа – мыс Челюскина до Петропавловска-Камчатского, а при наличии благоприятных условий следовать дальше по направлению Николаевск-на-Амуре – Чита.

А. Туполев, А. Беляков, В. Чкалов и Г. Байдуков накануне перелета

Курс через Ледовитый океан значительно усложнял маршрут, но экипаж был полон решимости преодолеть трудности. Однако в эти планы вмешались погодные условия, оказавшиеся сильнее летного мастерства и героизма людей.

В тумане

20 июля 1936 года в 5.45 по московскому времени АНТ-25 стартовал и взял курс на север. Экипаж ежечасно радировал в адрес штаба перелета о местонахождении самолета, высоте, скорости, направлении и запасе горючего. Почасовые сводки направлялись в ЦК ВКП(б) генералу А. Поскребышеву для доклада Сталину.

Из принятых с борта и от промежуточных наземных станций радиограмм видно, что в первые два дня полет проходил в непростой метеорологической обстановке, но без осложнений. При подходе самолета к Камчатке начались перебои со связью. 22 июля в 10.30 экипаж сообщил, что меняет курс на Николаевск-на-Амуре и планирует совершить посадку в Хабаровске. После этого самолет взял курс на Охотское море и радиосвязь прервалась.

Охотское море своенравно и коварно. Его постоянно штормит, а с марта по август затягивает густыми туманами. Согласно записи А. Белякова, сделанной им через десять дней после приземления, путь от Петропавловска-Камчатского до острова Удд занял более семи часов. Летчики понимали, что находятся между жизнью и смертью. АНТ-25 шел низко, всего в 100 м от земли. У северной части Сахалина высота уменьшилась сначала до 50 м, затем до 30. Началась болтанка. Машина резко вздрагивала. Дождь застилал козырьки кабины летчика. За стеклами клубился густой туман, ничего нельзя было разглядеть. Командир экипажа открыл боковую створку, пытаясь определить расстояние до воды. Внизу кипели буруны Татарского пролива.

Стремясь обойти полосы дождя, Чкалов периодически менял курс, разворачивая самолет над самой водой. Это было очень опасно. Вот как описывает дальнейшие события А. Беляков:

– Усиленно стараемся вызвать Николаевск-на-Амуре, но он молчит... Вдруг слева мелькнула гора. Очевидно, мыс Меншикова. Дальше

лететь небезопасно, и мы приняли решение пробиться вверх… Чкалов набрал высоту… Началось быстрое падение температуры воздуха. Стабилизатор самолета покрывался льдом – признак весьма скверный. Тянулись тяжелые секунды. Обледенение прогрессировало. Чкалов убавил газ и пошел на снижение… Было 9 часов 25 минут. Байдуков успел передать радиограмму: «Туман до земли. Беда… Срочно запускайте Хабаровскую десятикиловаттную. Обледеневаем в тумане. Давайте наш позывной непрерывно словами…»

Безрезультатны были и попытки связаться с Хабаровском. Но вот Байдуков уловил в эфире отдельные слова: «Приказываю прекратить полет… Сесть при первой возможности… Орджоникидзе».

На протяжении длительного времени самолет барражировал вдоль гряды островов, расположенных на небольшом расстоянии от берега на северо-востоке от Амурского лимана. Все это дает основание полагать, что, попав в сплошную пелену дождя и тумана, в условиях отсутствия видимости горизонта, экипаж не только отклонился от маршрута, но и потерял пространственную ориентировку. Гибель летчиков в водах Охотского моря казалась неминуемой. Но тут послышались слабые сигналы передатчика. Кто-то открытым текстом сообщал: «Приказываю прекратить полет…» Именно этот сигнал оказался спасительным для экипажа. Но откуда он исходил?

Таинственный передатчик

На АНТ-25 стояла специально разработанная приемопередающая радиостанция. Исходя из ее технических параметров главными пунктами связи при перелете были Москва и Хабаровск. Две другие станции – на острове Диксон и в Якутии – дублировали передачи. Все радиограммы требовалось передавать в эфир только зашифрованными. Например, цифра «38» означала «все в порядке». Потеря экипажем и наземными станциями взаимной связи, а также аварийная ситуация вынудили пилотов перейти на передачу открытым текстом. Хабаровскую десятикиловаттную станцию, о запуске которой просил Байдуков, предполагалось использовать как станцию наземного привода – на АНТ-25 был установлен радиокомпас. Но вместо мощных приводных сигналов из Хабаровска в эфире появился слабый сигнал неизвестного передатчика.

Все материалы, связанные с аварийной посадкой самолета, были изъяты и строго засекречены или даже уничтожены. В поисках информации о передатчике я отталкивался от рассказа моей мамы. Из него следовало, что спасительная радиограмма была послана экипажу станцией морского пограничного поста, за ключом которой находился отец. Косвенное подтверждение правоты ее слов я нашел в исторической справке межрайонного узла электрической связи Николаевска-на-Амуре: «В экстремальные периоды на помощь Николаевской государственной радиостанции спешили ведомственные – военных моряков… Так было во время спасения челюскинцев в 1934 году и во время посадки чкаловского экипажа на самолете АНТ-25 на безвестном тогда острове Удд в 1936 году».

Подготовка к перелету и его организация возлагались на заместителя наркома тяжелой промышленности, начальника Главного управления авиационной промышленности М. Кагановича. За успешное осуществление перелета Постановлением ЦИК Союза ССР от 13 августа 1936 года он был награжден орденом Ленина. Но в тот же день ЦИК принял еще одно постановление – «О награждении участников подготовки и организации беспосадочного перелета самолета АНТ-25 Москва – Николаевск-на-Амуре». В нем особенно были отмечены заслуги двух человек – Кошелева и Липовского. Но кто они такие и каким образом связаны с перелетом, нигде не упоминалось.

Узнать об этих загадочных фигурах побольше мне помогла местная пресса. Именно в ней сохранились материалы и о коменданте Нижнеамурского укрепрайона комбриге А. Кошелеве, и о начальнике Управления госбезопасности Нижнеамурского областного управления НКВД (которому подчинялся 65-й морской погранотряд) капитане Л. Липовском. В № 175 (3350) газеты «Тихоокеанская Звезда» от 1 августа 1936 года под рубрикой «Первые встречи» опубликована беседа с Липовским. В частности, он рассказывал:

– Мне выпало большое счастье одним из первых познакомиться с героями, первым поздравить их с великой наградой. Дело было так. 22 июля в 20.30 я получил сообщение начальника поста на острове Лангр Быкова о том, что в 19.45 над островом был виден самолет. Он летел на высоте 50 м в течение четырех минут, а затем скрылся по направлению залива Счастья. Я тут же дал указание Быкову организовать розыски. На исходе третьего часа они обнаружили на острове Удд самолет героев.

О сообщении начальника погранпоста Быкова Липовский немедленно доложил в Москву Кагановичу. На тот момент экипаж самолета уже длительное время не выходил на связь и судьба его была неизвестна. Все опасались, что в условиях плохой видимости машина может разбиться о прибрежные сопки. Тогда и было принято решение срочно радировать на борт телеграмму за подписью Орджоникидзе о прекращении полета. Ближайшая к самолету действующая радиостанция находилась у пограничников на острове Лангр. Именно ее и услышал экипаж.

После посадки

Приземлившись, экипаж попытался определить место посадки. Этот момент Беляков описывает так:

– Прибежавшие к самолету местные жители называют остров – Удд. Но на нашей карте его нет. Среди островов, отделяющих от Охотского моря залив Счастья, значится остров Ур. Превозмогая усталость, стараюсь четко воспроизвести ключом знаки Морзе и передаю радиограмму: «Сидим на острове Удд. Экипаж в порядке, нужна техническая помощь для взлета».

Однако эту радиограмму наземные станции не приняли.

В это время в Чите собрались журналисты. Туда их направило руководство страны встречать героев. Но известий о самолете не было.

Между тем пилоты расположились на ночлег у местного жителя.

– Лодка на Лангр ушла, скоро в городе узнают, что вы у нас, – сказал им хозяин.

Утро 23 июля на острове Удд было пасмурным, но туман рассеялся. Чкалов сильно переживал о том, что не сдержал своих заверений Политбюро и лично Сталину:

– Получается, мы – хвастунишки, болтуны!

Настроение командира экипажа улучшилось, когда с острова Лангр

При посадке на острове Удд самолет остановился у береговой черты. 1936 год

прибыли пограничники. Мама рассказывала, что отец был среди них. Пограничники привезли экипажу подарки, затем все вместе завтракали в доме председателя рыболовецкой артели. Отец сообщил членам экипажа, что погранпост обнаружил самолет еще в воздухе и доложил о посадке в погранотряд. Следовательно, Москва знает о местонахождении летчиков.

Позже на остров прилетел командир звена пограничного авиаотряда Шестов и сообщил, что правительство ждет доклада экипажа по прямому проводу. На доклад в Николаевск улетел штурман Беляков.

Доклад Белякова лег на стол М. Гаю – начальнику Особого отдела Главного управления госбезопасности НКВД СССР. В нем было сказано: «Самолет по условиям погоды не мог пробиться в Хабаровск, где мы предполагали сделать ночью посадку... Сели на острове Удд (по карте – Ур) в заливе Счастья, в 50 км к северо-востоку от Николаевска-на-Амуре... Экипаж невредим... Самолет продержался в воздухе 55 часов 25 минут при средней высоте полета 4000 м. Слепого полета было более 10 часов...»

Сталин остался доволен исходом полета и даже пошутил:

– Чкалов сел не на Удд, а на «отлично»!

Советские газеты опубликовали сообщение Главного управления авиационной промышленности Наркомтяжпрома: «...Экипаж самолета блестяще справился с поставленным заданием. Пробыв в воздухе 56 часов 20 минут, самолет покрыл расстояние в 9374 км, из них 8774 км по заданному маршруту и 600 км на обход циклонов в районе Северной Земли и Охотского моря... Самочувствие товарищей Чкалова, Байдукова и Белякова, несмотря на колоссальное напряжение сил, которого потребовал беспримерный перелет, хорошее...»

Чкалов внимательно прочитал сообщение и искренне удивился такой высокой оценке. К сожалению, этот полет не стал рекордным. В 1936 году СССР не состоял в Международной авиационной федерации, на АНТ-25 отсутствовали приборы автономной регистрации дальности полета. К тому же засчитывали экипажам всегда только расстояние, пройденное по заданному маршруту. Тем не менее сообщение о результатах полета в советских газетах вызвало большой интерес за границей. Печатные издания США, Англии, Франции, Австрии, Венгрии и Румынии охарактеризовали его как выдающийся при учете плохой погоды и посчитали пробным накануне более грандиозных полетов советских экипажей. Германская печать обошла вниманием даже сам факт полета.

Спасение АНТ-25

О событиях второго дня пребывания экипажа на острове Удд капитан Липовский рассказал краевой прессе следующее:

– Вечером снова Каганович вызывает меня к проводу и поручает передать летчикам телеграфный текст постановления правительства о присвоении им званий Героя Советского Союза. Прилетев на остров, я застал Чкалова, Байдукова и Белякова в домике начальника лова за чаепитием.

Едва я произнес первые слова, как они поднялись со своих мест. «Сталинская забота!» – проникновенно воскликнул Чкалов. «Даже крепкие нервы в такие минуты пошаливают», – негромко сказал Байдуков.

На глазах всех троих блестели слезы. Они крепко обнялись.

Однако предстояло еще поднять АНТ-25 в воздух. Иначе самолет мог остаться на далеком острове навсегда и рекордный перелет не выглядел бы столь убедительным.

На подготовленную для взлета грунтовую полосу машину перетаскивали с помощью веревок всем островным людом. Но взлететь с нее Чкалову не удалось – песчаный грунт оказался слишком вязким. Тогда решено было построить взлетную полосу из лесоматериалов. На остров для координации направили дивизионного комиссара И. Вайнероса. Организация работ была возложена на коменданта Нижнеамурского укрепрайона комбрига А. Кошелева. На строительство взлетной полосы отводилось лишь два–три дня.

В те дни репортажи с острова Удд не сходили со страниц местной прессы. Вот отрывки из сообщений.

«Блюхер прислал на остров саперов, тракторы, автомобили. На самолетах из Хабаровска прилетели инженеры и техники. Впервые за свое существование остров осветился электрическим светом...»

«И вот уже площадка почти готова. На участке командира Быкова забиты последние гвозди. Еще несколько досок на соседнем участке, который Быков взял на буксир, и АНТ-25 сможет встать на помост...»

«В два дня распилено 1,5 тыс. кубометров леса (всего на строительство взлетной полосы потребовалось около 12 тыс. кубометров лесоматериалов. – **Прим. авт.**). Доски погружены на баржи и переброшены по морю – 150 км в шторм! Лес выгружен на острове, где отсутствуют какие бы то ни было приспособления для выгрузки. Из него сооружена взлетная полоса длиной 400 м и шириной 50 м...»

«АНТ-25 опробует полосу. Чкалов идет впереди самолета с огромным поленом в руках – он подставляет его под край колеса, когда надо изменить направление. Байдуков часто

С помощью местных жителей — на взлетную позицию

выглядывает из кабины, кепчонка его повернута задом наперед, и сейчас он похож на лихого мотоциклиста…»

«Экипаж АНТ-25 был восхищен перелетом пограничных самолетов на остров в страшную непогоду, сильный туман – тогда капитан государственной безопасности Липовский летел сюда, чтобы сообщить радостную весть о награждении. Герои изумлялись выносливости, смелости и неутомимости пограничников, несущих морской дозор в самых тяжелых условиях Севера…»

Утром 2 августа АНТ-25, пробежав по черной прямой линии взлета, поднялся над островком. Бойцы и местные жители замахали ему вслед руками, вверх полетели фуражки.

Самолет улетел в Москву, вознося экипаж к вершинам всенародной славы. Но летчики с большой благодарностью вспоминали о своих дальневосточных спасителях и помощниках.

Исчезнувшие из истории

Жизнь на Нижнем Амуре пошла своим чередом. Правда, остров Удд был переименован в Чкалов. Электрогенератор увезли на материк. Деревянную взлетную полосу разобрали. Часть лесоматериалов передали прославившимся пограничникам, которые построили из них на острове Байдуков (такое название получил Лангр) несколько добротных домов.

Казалось, что всех участников героической эпопеи ожидает светлое будущее. Однако следующий, 1937 год все изменил. Репрессии на Дальнем Востоке носили особенно массовый характер. Только в Хабаровском крае за короткое время в застенках НКВД погибли 40 тыс. человек. В их числе оказались многие военачальники, все краевые и областные руководители, организовавшие помощь героическому экипажу. Комбрига А. Кошелева арестовали в 1937 году. 13 августа его расстреляли как врага народа.

Такая же судьба постигла Л. Липовского. В 1938 году он без суда и следствия был расстрелян в Николаевске-на-Амуре. 30 января 1996 года его реабилитировали…

Исчезновение из истории многих участников событий на острове Удд связано не только с репрессиями, но и с тем, что подробности работы представителей НКВД были засекречены. Например, в конце августа 1936 года газета «Правда» опубликовала выдержки из приказа С. Орджоникидзе о премировании колхозников и рыбаков острова Чкалов. В распоряжение Нижнеамурского обкома партии было переведено 100 охотничьих ружей, 50 патефонов с пластинками, 200 м мануфактуры и разного хозяйственного инвентаря на три тысячи рублей.

На острове Удд располагалось лишь несколько рыбацких домиков. Зачем нужно было столько оружия и хозяйственной утвари? Нет и документов, свидетельствующих о поступлении их в фонды Нижнеамурского обкома. Разгадка кроется в том, что подарки предназначались не рыбакам, а участникам обеспечения вынужденной посадки и взлета самолета АНТ-25 – пограничникам. Ведь о подробностях ситуации в воздухе и строительстве на острове взлетной полосы центральная пресса не распространялась. Наградили пограничников закрыто и буднично. Документы о награждении тут же засекретили.

Вместо заключения

В 1938 году В. Чкалова не стало. У отца в этот год закончился пятилетний срок пограничной службы. Он не уехал на родину. Его не репрессировали. Более того, участие отца в обеспечении посадки АНТ-25 на остров Удд положительно сказалось на его дальнейшей судьбе – он стал комсоргом «Амуррыбтреста», а в дальнейшем был рекомендован на должность секретаря партийного комитета рыбокомбината. В 1940 году отец получил многомесячный отпуск и приехал к родным, в Новосибирскую область. Здесь его и застала война. В одном из танковых сражений в августе 1944 года в ходе Ясско-Кишиневской наступательной операции он был смертельно ранен. Место захоронения его, как и миллионов других защитников Отечества, павших в боях за Родину, осталось неизвестным.

Первому сверхдальнему перелету экипажа В. Чкалова в этом году исполняется 75 лет. Своим расследованием я постарался отдать должное не только героям-пилотам, но и обычным людям, принимавшим непосредственное участие в тех событиях. Людям, чьи имена едва не канули в Лету по самым различным мотивам, в том числе идеологическим. Сегодня эти мотивы не имеют значения. Имеет значение светлая память о тех, кто честно выполнял свой долг.

Автор выражает искреннюю признательность за неоценимую помощь в подготовке очерка сотруднику Архива Президента Российской Федерации Ирине Кондаковой, бывшей заведующей читальным залом Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации Валентине Поповой, бывшему сотруднику Государственного архива Хабаровского края Тамаре Косициной, сотрудникам архивов, которые принимали участие в поиске.

Фото из архива автора